

Анастасия Лебабина

**Вещи,
которые лучше не делать**
Сборник рассказов

16+

Анастасия Лебабина
**Вещи, которые лучше не
делать. Сборник рассказов**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42393823

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0318-4

Аннотация

Что такое мистика? Это вера в то, что мы не можем объяснить, подтвердить, обосновать. Но вместе с тем, не можем и опровергнуть. Если вы желаете ненадолго заглянуть за грань реальности, эта книга для вас. Сборник включает 6 небольших рассказов в жанре "ужасы". Оформление обложки: изображение взято с сайта pixabay

Содержание

Картина смерти	4
Впусти убийцу	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Картина смерти

Ты веришь в судьбу? Я тоже раньше не верил. А сейчас...сейчас мне очень страшно. Пишу эти строки и не знаю, успею ли рассказать эту историю, успею ли предостеречь тебя.

Несколько лет назад я посетил выставку-продажу картин молодых художников. Были и смешные и интересные работы, абсурдные и глубокие, странные и понятные, дорогие и подешевле – на любой вкус и карман. Среди прочего, мое внимание привлекла необычная картина молодой художницы с причудливой фамилией Дэфволкер. Происходящее на картине относилось, наверно, к началу 20 века. На заднем фоне было изображено крыльцо старого дома, входная дверь немного покосилась, ступеньки были ветхими и потертыми. На этом крыльце стояла девочка лет шести-семи. С первого взгляда – обычный ребенок, но если присмотреться... Первое, что бросалось в глаза – это некий диссонанс между крыльцом и внешностью девочки. На ней было надето светло-голубое платье с белым фартуком и кружевными оборками, белые гольфы из легкой тонкой ткани и белые туфли с небольшим каблучком. Ее светлые волосы были завиты в крупные локоны. Голубые глаза были широко распахнуты и смотрели куда-то вдаль. Уголки розовых губ не были тронуты улыбкой. В руках она держала какой-то цве-

ток. Просмотр этого полотна оставлял неприятный осадок, настолько неприятный, что я даже не захотел смотреть картины дальше, а развернулся и ушел домой. На следующий день мне вновь захотелось взглянуть на эту странную картину. Она манила меня своей омерзительной таинственностью. По прибытии на выставку я обнаружил, что полотна нет. Оказалось, что его вчера купили. Это странно, но от этой новости я испытал некоторое облегчение. В тот момент мне бы следовало задуматься, но нет... я не понял ни своих чувств, ни знаков судьбы. В знаки я вообще не верил... ни в знаки, ни в судьбу, ни в мистику. Наивный глупец! Подумать только, этого всего могло и не быть, я мог избежать этого кошмара.

Прошло около двух лет, как наш городок потрясла ужасная история. Убийство. Зверское, жестокое, таинственное. Мисс Фрэнсис – молодая учительница местной средней школы. Ей было около 30 лет, она была приветлива, добра и бесконфликтна. В наш городок эта леди прибыла два года назад, по окончании учебы в университете. Когда мисс Фрэнсис устроилась в местную школу, родители прикупили ей этот аккуратный домик с собственным садом. Мебель осталась от прежних владельцев, девушка приобретала только некоторые предметы интерьера: шторы, покрывала, ковры, картины... Картины... да, она интересовалась современным искусством, я встречал ее на разных мероприятиях и, кажется, видел в ТОТ самый день, на выставке-продаже...

– Я должен попасть на место преступления, – неожиданно для себя, произнес я вслух.

Разумеется, попасть на место убийства сейчас невозможно, там работает полиция... а вот вечером. Конечно, дом печатают, но я ДОЛЖЕН был проникнуть внутрь, ДОЛЖЕН. Не медля ни минуты, я отправился на место преступления. Около дома мисс Фрэнсис собралась целая толпа зевак. Люди перешептывались, качали головами, делали сочувствующий вид. С трудом пробравшись сквозь толпу, я очутился около крыльца. Перед входом стояли двое полицейских: один что-то говорил, второй записывал.

– Эй, Джордж! – окликнул я второго. Им оказался мой одноклассник и просто приятель детства. Тот, оторвавшись от своего занятия, оглянулся, я начал махать рукой.

– Джордж, это я, Боб.

Джордж ничего не сказал, лишь показал жестом, чтобы я подождал.

Прошло около 20 минут, прежде чем мой приятель освободился.

– Боб, и ты здесь. Кажется, весь город тут собрался. Должно быть, вся жизнь замерла, – иронично подметил Джордж, закуривая сигарету из купленной с утра пачки Кэмел.

– Что здесь произошло? – поинтересовался я.

– Убийство. Ее убили ночью. Странно, конечно. Дверь была заперта изнутри, дом поставлен на сигнализацию около семи вечера.

Джордж проговорил это так... небрежно и отрешенно, словно пересказывал очень неинтересный школьный урок.

– Ты говоришь, заперта изнутри. Как такое возможно?

– Ну, у нас был один вариант – убийца должен был находиться в доме. Но здесь никого не было. Должно быть, гаде-ныш выскользнул в окно после нашего прибытия.

– А следы?

– Следов нет. Ладно, Боб, ты извини, но мне работать нужно, – после этих слов Джордж затушил сигарету о мусорный бак и направился к своим коллегам. На полпути он повернулся ко мне и добавил:

– Рад был тебя увидеть.

До позднего вечера я гулял по городу, выжидал время. Пойми, мне было просто необходимо побывать в ее доме. Я это чувствовал так отчетливо, как ты, должно быть, ощущаешь изжогу после чересчур острой пищи. Примерно, в 10:30 я вновь стоял на лужайке мисс Фрэнсис. Зашел на крыльцо, аккуратно сорвал пломбу с двери и открыл ее. Очутившись внутри, я не смотрел ни на что вокруг, а устремился вверх по лестнице. Идти приходилось на ощупь, т.к. включенный свет мог вызвать подозрения у соседей и, как следствие, скорый приезд полиции. Подозреваемых у них не было, поэтому я мог стать «легкой добычей». Кое-как добравшись до второго этажа я очутился в длинном и узком коридоре. Все комнаты, их было три, располагались по правую руку. Я зашел в первую – и угадал. Это и была спальня

несчастной учительницы. Я пробрался к окну, чтобы задернуть шторы и включить свет. Плотная ткань с веселым перезвоном скользнула по гардине и спальня погрузилась в полный мрак. При помощи небольшого фонарика, я отыскал выключатель. Щелкнул «носик» вверх и ожившие светильники озарили комнату тусклым светом ночников. Я смог разглядеть помещение. Зрелище не для слабонервных. По центру комнаты стояла кровать, застеленная светлым бельем, насквозь пропитанным кровью. Шкаф, тумбочки, стены – все в мелких кровавых брызгах, как будто кто-то прыгал по лужам и капельки разлетались в разные стороны. Стоп. Стены. На стене в спальне бедной девушки висела та самая картина, но теперь она выглядела иначе: фон оставался таким же, но девочка... С полотна смотрело нечто, что когда-то было ребенком: вместо выразительных голубых глаз – пустые глазницы с пугающим прищуром; локоны растрепаны; платье, туфли, гольфы – все в крови. Тогда я решил, что это такие же брызги, как на стенах и мебели, это было ошибкой. От спокойных розовых губ не осталось и следа: оно улыбалось так ехидно, словно знало все. Все и обо всех. Но все это было ерундой по сравнению с тем, что было в руках девочки: теперь вместо цветка она держала огромный окровавленный топор. Мне стало не по себе, и я поспешил уйти прочь. Выключил свет, раскрыл шторы, и, клянусь, я видел, как оно двигается. Там, в картине. Быстрыми шагами я спустился с лестницы, преодолел путь до двери, аккуратно приоткрыл –

никого, скользнул в шелку и захлопнул дверь за собой. После этого я почувствовал себя в безопасности. Приклеил пломбу на место и поспешил домой. Дорогой я все никак не мог понять, зачем же я туда приходил. Из любопытства? Нет. От жажды острых ощущений? Вроде, нет. Выяснить правду? Да зачем мне правда? Ответа так и не нашлось, это пугало, но еще больше пугало то нечто, что я увидел на картине.

– Наверно, это какая-то пародия на оригинал, – думал я, – ведь картина действительно жутковатая, вот кто-то и создал ЭТО. Да. Определенно.

– Но почему же ты не взглянул на подпись художника? – пронеслось в голове, – Ты побоялся. Побоялся узнать, что это она, Дэфволкер, будь она неладна.

Шли дни, недели, картина не выходила у меня из головы. Поэтому, когда я узнал, что родители мисс Фрэнсис продают дом, вознамерился взглянуть на полотно еще раз. Набрал номер телефона, указанный на фасаде дома.

– Алло, – слышалось на том конце линии.

– Алло, мистер Фрэнсис, я хотел узнать насчет продажи дома...

– Да, дом продается. Показы проводятся по средам и пятницам.

– Нет, нет. Мне не нужен сам дом.

– А что же Вы мне тогда голову морочите?

– Я хотел узнать, не продается ли мебель или еще что-то отдельно от дома?

– Послушайте, если Вас интересует что-то конкретное, то спрашивайте, у меня нет желания вытягивать информацию клещами, или я кладу трубку.

– Нет, нет. Меня интересует... картина.

– Картина? Какая? У Элис их было много, – заметно смягчившись, ответил голос из трубки.

– Та, где изображена девочка в светло-голубом платье..., – я ждал реакции.

– Ах эту, из спальни. Необычная работа. Признаться честно, она меня немного пугает.

«Немного?», – подумал я, а вслух произнес:

– Да, она. Я бы купил ее. За сколько продаете?

– Да ладно, забирайте так. Она не стоит дорого, как специалист говорю Вам. К тому же, я буду раз избавиться от нее как можно скорее.

– Отлично. Спасибо.

– Значит договорились. Завтра жду. Как Вас зовут?

– Я Боб, просто Боб.

– Хорошо, до скорого, Боб.

После этой фразы я услышал короткие гудки. Человек на том конце провода положил трубку.

Всю ночь я не мог сомкнуть глаз, не понимая самого себя. Я собирался забрать картину, которая напугала меня до чертиков. Напугала. Да, я ее боялся. Настенные часы показывали два часа ночи. Я встал с кровати и подошел к окну, я всегда подходил к окну в часы бессонницы, отодвинул тон-

кую тюль и посмотрел на улицу: темнота, покой. В эти часы жизнь словно замирает, ты никогда не думал об этом? Кажется, что ты единственная живая душа в городе. Ты и еще пара-тройка человек, которые в редкий час пройдут или пройдут под твоим окном. Странное чувство. Наверно, жители крупных городов не ощущают этого, они-то живут в постоянном движении. Я достал из выдвижного ящика пачку сигарет. Эта дурная привычка оставила меня еще пару лет назад, но пачку, почему-то, я не торопился выбрасывать. Желание закурить возникло спонтанно, и было таким сильным, какого не бывало даже в те времена. После первой же затяжки мне стало плохо, словно я мальчишка, впервые закуривший в гостях у своего старшего приятеля. Затувив папиросу, я отправился в постель. Голова немного кружилась и подташнивало. Видимо, я не заметил, как уснул, так как, словно в следующую секунду открыв глаза, я обнаружил, что уже 9 часов утра. Нужно было собираться за треклятой картиной. Наскоро позавтракав тостами и кофе, я пошел к дому мисс Фрэнсис. Кроме меня на лужайке стояло еще несколько человек. Я догадался, что это потенциальные покупатели дома. «Неужели можно купить дом после всего этого? Как же там жить?» – думал я. Мистер Фрэнсис подошел ровно к 11:00.

– Кто здесь Боб? – спросил он.

Почему-то я ничего не ответил на этот вопрос, хотя отчетливо слышал.

– Есть Боб или нет? – повторил мистер.

Тут я спохватился:

– Я. Боб – это я. Это со мной Вы вчера беседовали по телефону.

Мистер Фрэнсис бросил на меня скучающий взгляд и произнес:

– Что же, Боб, пойдёмте, я покажу Вам Ее. Господа, прошу немного подождать, показ начнется через пятнадцать минут.

После этих слов он вошел в дом, не обращая внимания на недовольства «господ», я проследовал за ним. Молча, мы поднялись на второй этаж и вошли в спальню. Сейчас комната выглядела совершенно по-другому: свежий ремонт, новая мебель. Оно и понятно, кто захочет покупать дом с кровавыми пятнами? Хотя, возможно, найдутся и такие.

– Ну что, вот эта картина, – произнес, наконец, отец учительницы и указал пальцем на стену. Я повернул голову и не поверил своим глазам: это была она. Та самая картина, которую я видел на выставке. Именно такая, со старым крыльцом и милой девочкой. Я никак не мог понять, что же я видел ТОЙ ночью. «Неужели показалось?» – думал я.

– Эй, Боб? Что Вы застыли? Берете или нет?

– Да-да.

– Тогда берите и уходите. У меня очень мало времени.

Видели, меня ждут люди.

После этих слов мистер Фрэнсис снял полотно и вручил мне. Взамен я протянул символическую сумму:

– Возьмите хотя бы столько.

– Ладно. Спасибо.

– Спасибо Вам, мистер Фрэнсис.

– Счастливого, Боб.

Я был рад, что картина оказалось той самой, которую я хотел купить на выставке. Убедил себя, что ТОЙ ночью мне просто показалось. Было слишком темно, да и помещение находилось в довольно стремном виде. Придя домой, я сразу нашел место приобретению – кабинет. Над столом – идеально.

Шли недели, месяца – все было хорошо, я начал забывать ТУ ночь в доме учительницы. Картина висела на стене и не вызывала у меня никаких подозрений. «Бред. Как картина могла измениться. Ты сам-то подумай, дурачок», – смеялся я над собой. Зря смеялся. Первый раз это случилось вчера. Я вернулся с вечеринки около 10 вечера и зашел в кабинет, взять положить кое-что из вещей. Переступив порог я обомлел. . . На стене висела моя картина, но в измененном виде. Нет, там не было девочки-убийцы с топором, там вообще никого не было. Пустое крыльцо. Девочка исчезла. Я стоял и смотрел на полотно, как приклеенный, не мог пошевелиться до тех пор, пока не услышал музыку из спальни. На трюмо у меня стоял виниловый проигрыватель, а на полке была коллекция старых пластинок. Я знал: играет одна из них, но играет как-то странно. Проигрыватель был в полном порядке, но сейчас он сильно искажал музыку. Кажалось, что это звук кассетного магнитофона, зажевавшего

ленту. После этого стали слышны шаги. Медленные и тяжелые. Нечто направлялось от проигрывателя к двери. Чтобы ты знал, от спальни до кабинета у меня еще три комнаты. Я понял, что если сейчас не убегу – все. Не медля ни секунды, я бросился прочь из дома. Бежал, не оглядываясь до дома своей подруги Джессики.

– Что случилось, Бобби? Почему так поздно?

Я рассказал ей все, как было.

– Боже мой, Бобби. Тебе нельзя пить.

– Я не пьян, Джесс.

– Ладно, давай пойдем туда вместе.

– Нет, нет. Только не сейчас.

– Ладно, Бобби. Завтра ты покажешь свою девочку.

Я знал, Джессика смеется надо мной, но мне было плевать. У нее я был в безопасности и это главное. Нужно было что-то решать с картиной, и я выставил ее на продажу в интернете. Нашел изображение в поисковике и выставил. Знаю, это эгоистично, спихивать проблему на других, но своя жизнь дороже. Понимаешь, дороже.

Придя на следующее утро вместе с Джессикой, я обнаружил, что полотно в порядке. Девочка на месте, но моя спальня... По всему полу грязные детские следы, все пластинки валяются, кровать смята.

– Вот видишь, я же говорил.

– О чем говорил, Бобби? У тебя окно открыто. Соседские ребяташки немного позабавились здесь. Вот и все.

– Нет! Это она! Как ты не понимаешь, это ОНА!

– Ладно, Бобби. Если тебя эта картина так пугает, просто продай ее.

Тут я вспомнил об объявлении и зашел в сеть.

– Есть! Несколько откликов! Ее хотят купить, Джесси.

– Это здорово. Вот и избавься от нее прямо сегодня.

Джессика ушла, а я принялся обзванивать потенциальных покупателей. Насчет денег я не беспокоился. Был готов отдать хоть даром, лишь бы быстрее. Твердо решил – продам тому, кто раньше всех приедет. Самым ближайшим сроком оказался завтрашний день. Девушка ехала из другого города и должна была прибыть рано утром, но ЗАВТРА. Эту ночь мне предстояло провести с картиной в последний раз. Я решил, что запру дверь в кабинет и все. Какой дурак! Около 9 вечера я услышал в кабинете какое-то шевеление и заперся в спальне. Думал, одну ночь-то точно как-нибудь продержусь, а завтра она уедет куда-нибудь далеко, и я о ней ничего и никогда больше не услышу. Шевеление быстро прекратилось, и я немного успокоился: лег на кровать и включил телевизор. В Около половины десятого позвонила Джессика:

– Эй, ну как ты?

– Нормально.

– Может быть, мне прийти?

– Нет, здесь слишком опасно. Я не могу тобой рисковать.

– Ты опять? Не надоело еще? Слушай, если не хочешь меня видеть, так и скажи!

Послышались короткие гудки – девушка положила трубку. Меньше, чем через минуту снова раздался телефонный звонок:

– Алло, Джесс, прости. Я не хотел тебя обидеть.

Тишина.

– Джессика?

– Это не Джессика, – прошипели на том конце провода, – зачем ты продаешь полотно, Бобби?

– Алло? Кто это? – с испугом залепетал я.

– Ты и сам знаешь кто, Бобби, – продолжало шипеть из трубки.

– Это что, розыгрыш?

В трубке раздался жуткий хохот, потом оно сказала:

– Розыгрыш? Ну, выгляни в окно и увидишь.

Короткие гудки. Трясущимися руками я приоткрыл тонкую ткань занавесок и тут же задернул обратно: прямо напротив моего окна стояла Она. Эта девочка. Нет, не девочка, а то, что я видел ТОЙ ночью. Оно было в крови, а в руках держало окровавленный топор. Через пару минут я набрался мужества и снова приоткрыл занавеску – никого. В этот момент зазвонил телефон и я непроизвольно вздрогнул:

– Алло?

– Ну что, понравилось, Бобби?

– Кто ты? Зачем ты это делаешь?

– Зачем? Потому что мне это...НРАВИТСЯ!!!

Я бросил трубку и сел за это письмо для тебя., я слы-

шу, как оно ходит у меня под дверь. Уверен, оно сможет попасть внутрь, если захочет. Я пытался вызвать полицию, но телефонная связь недоступна: куда бы я не пытался позвонить – трубку берет ОНО. Не знаю, чем закончится эта ночь, но очень прошу тебя: никогда не забирай эту картину к себе, никогда не продавай ее, не дай забрать ее кому-то другому. Просто сожги. Сожги где-нибудь подальше от города. Я буду пытаться спастись, но если что-то случится, знай – это картина, это она...

Впусти убийцу

1963 год. Донна жила с тремя сестрами и горничной Луизой в старом доме из красного кирпича. Она была самой старшей из девушек, Лора была моложе на год, а близнецы Лиззи и Пэм – на два. Все они были студентками местного колледжа. Донна была спокойной, доброй и послушной; хорошо училась; не выпивала и не употребляла наркотики; не посещала вечеринок и не гуляла с парнями. Словом, была полной противоположностью большинству подростков, чего нельзя было сказать о ее сестрах. Нет, они не были плохими, они были обычными: в меру послушными; опаздывающими со свиданий; приносящими, кроме пятерок с четверками, двойки и тройки. В тот день они все собирались на домашнюю вечеринку «звезды» колледжа Лейлы.

– Донна, ты обязательно должна пойти. Сколько можно учить? Надо же хоть когда-то отдыхать.

– Нет, Лора. Мы тысячу раз об этом говорили. Ну не нравятся мне все эти сборища. Я с удовольствием отдохну дома вместе Луизой.

– Так и просидишь всю молодость. А Райн, между прочим, спрашивал о тебе.

– Мне не до глупостей, Лора! У этих парней ничего серьезного на уме нет.

– Ну почему ты не думаешь, что можешь нравиться ко-

му-то?

– Слушай, если бы я была и вправду интересна Райну, он нашел бы способ подойти ко мне в колледже.

– Но он, может быть...

– Лора! Все! Окончим этот разговор. В любом случае, завтра у нас тест по математике и мне нужно готовиться. Тебе, кстати, тоже не мешало бы немного позаниматься. Ты видела свои последние оценки? Так и вылететь недолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.